

ISSN 0869-4362

**Русский
орнитологический
журнал**

**2010
XIX**

**ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
546
EXPRESS-ISSUE**

СОДЕРЖАНИЕ

- 135-139 Профессору доктору Йену Ньютону – 70 лет!
Е . Э . Ш Е Р Г А Л И Н
- 139-146 К биологии длинноклювого пыжика *Brachyramphus*
marmoratus perdix. А . П . К У З Я К И Н
- 146-151 Миграции гусей на острове Сахалин.
В . А . Н Е Ч А Е В
- 151-152 Питание ястреба-перепелятника *Accipiter nisus*
во время весенней миграции на Куршской косе.
Е . А . Ш А П О В А Л , А . П . Ш А П О В А Л
- 153-156 Новые данные о птицах Баболовского парка
города Пушкина. И . Н . П О П О В
- 156-158 Материалы по гнездованию большого крохалея *Mergus*
merganser на озёрах бассейна Западной Двины
(в пределах Белоруссии). В . П . Б И Р Ю К О В
- 158-159 Гнездование дербника *Falco columbarius*
в восточной Литве. Б . Ш А Б Л Я В И Ч Ю С
-

Редактор и издатель А.В.Бардин
Кафедра зоологии позвоночных
Биолого-почвенный факультет
Санкт-Петербургский университет
Россия 199034 Санкт-Петербург

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology
Published from 1992

Volume XIX
Express-issue

2010 № 546

CONTENTS

- 135-139 Professor Dr. Sc. Ian Newton – 70 years!
E. E. SHERGALIN
- 139-146 To biology of the long-billed murrelet *Brachyramphus marmoratus perdix*. A. P. KUZYAKIN
- 146-151 Geese migration on the Sakhalin.
V. A. NECHAEV
- 151-152 Food of the sparrow hawk *Accipiter nisus* during spring migration on the Courish Spit, Baltic Sea.
E. A. SHAPOVAL, A. P. SHAPOVAL
- 153-156 New data on birds of Babolovsky Park of Pushkin.
I. N. POPOV
- 156-158 Data on nesting of the goosander *Mergus merganser* on lakes of Zapadnaya Dvina basin (within the boundaries of Byelorussia). V. P. BIRYUKOV
- 158-159 Breeding of the merlin *Falco columbarius* in Eastern Lithuania. B. ŠABLEVIČIUS
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Профессору доктору Йену Ньютону – 70 лет!

Е.Э.Шергалин

Таллин. E-mail: zoolit@hotmail.com

Поступила в редакцию 10 января 2010

Йен Ньютон родился 17 января 1940 года в деревне, что рядом с английским городком Честерфилд в графстве Дербши. Его отец был краснодеревщиком и заядлым футболистом, а мать – учителем музыки. Маленький Йен рос и воспитывался вместе с сестрой, которая родилась в тот же день, что и брат, но только тремя годами позже. Йен не интересовался ни футболом, ни музыкой, но птицы и звери его увлекли ещё в пятилетнем возрасте (по крайней мере, он помнит себя с этого возраста). Отец Йена разводил канареек, а Йен увлёкся разведением вьюрков в неволе, но был вынужден оставить это занятие с поступлением в университет. В детстве Йен начал собирать коллекцию птичьих яиц. Это было распространённое увлечение среди мальчишек того времени во многих странах мира, ныне, конечно же, строго запрещённое. Естественно, что это занятие развивало интерес к птицам.

Ох, уж эти яйца... – выбор профессии был определён! В 1961 году Йен Ньютон с отличием заканчивает Бристольский университет и получает степень бакалавра по зоологии. В 1964 году по результатам исследований вьюрковых птиц ему присуждают степень доктора экологии PhD (по нашей системе – кандидата наук) в Оксфордском университете, и там же в 1982 году – степень доктора наук DSc (по нашей системе – доктора наук). В последние годы имя профессора Ньютона в первую очередь ассоциируется с хищными птицами, но на своём жизненном пути он серьёзно занимался многими группами птиц, затрагивая проблемы как фундаментальной, так и прикладной орнитологии.

С 1971 года Йен Ньютон работает в области популяционной экологии хищных и других птиц, ведёт мониторинг остатков пестицидов в птицах некоторых видов и оценивает влияние ядохимикатов на состояние популяций птиц. Он стал широко известен среди орнитологов мира благодаря своему многолетнему (более 25 лет) популяционному исследованию ястреба-перепелятника в южной Шотландии. В 1967-1970 годах Ньютон изучает водоплавающих птиц, исследуя биологию размножения уток и гусей и оценивая ущерб, наносимый зимующими гусями сельскому хозяйству. В 1961-1967 годах он проводит сравнительное исследование трофических связей британских вьюрковых птиц, включая экологию питания снегиря, в том числе и повреждение им почек фруктовых деревьев в садах.

Йен Ньютон. 2002 год

С учителями Йену Ньютону повезло. Он защитил кандидатскую диссертацию в Оксфордском университете под руководством знаменитого Дэвида Лэка (1910-1973), которого многие называют отцом современной экологии. Йен выполнил исследование на вьюрковых в 1964-1967 годах и написал по этой группе птиц книгу, которая была очень хорошо воспринята коллегами. В 1970-е годы он предпринял широкое изучение нескольких видов хищных птиц Британии. Особенно его увлекли исследования влияния пестицидов на популяции птиц. В 1979 году вышла его книга «Population ecology of raptors», сразу ставшая классической, так же как и всеобъемлющая монография по перепелятнику «The Sparrowhawk», увидевшая свет в 1986 году.

В 1989-2000 годах он возглавлял секцию биологии птиц на исследовательской станции Монкс Вуд (Monks Wood Research Station) и продолжил исследования по хищным птицам после так называемого выхода на пенсию в 2000 году. «Так называемого», потому что никто из коллег не может представить Йена Ньютона на пенсии – его нагрузка ничуть не стала меньше, если не больше. Он редактор пяти и автор шести книг, а также автор 280 статей, 267 технических отчётов и 33 докладов-отчётов по контрактам. Он часто выступает по телевидению и радио, его регулярно приглашают докладчиком с ключевыми и пленарными лекциями на многие орнитологические конференции, совещания и симпозиумы. За последние 30 лет Ньютон подготовил несколько десятков молодых докторов по орнитологии и экологии. Он был Президентом Британского орнитологического союза и Британского экологического общества, а в настоящее время является Председателем Совета Королевского общества охраны птиц и Председателем Совета директоров Сапсан-Фонда (The Peregrine Fund).

Йен Ньютон удостоен многих наград, включая орден Британской Империи, Юнион Медаль Британского орнитологического союза в 1988 году за выдающуюся деятельность во благо орнитологии, Золотую медаль Британского экологического общества в 1989 году за достижения в изучении экологии, медаль Королевского общества охраны птиц в 1991 году за служение во благо орнитологии и охраны птиц, медаль Эллиота Кауэса (Elliot Coues) от Американского орнитологического союза в 1995 году за похвальный вклад, оказавший заметное влияние на изучение птиц Западного Полушария, награду от Президента Фонда изучения хищных птиц в 1993 году за мудрое лидерство в изучении хищных птиц, Marsh награду (в честь Брайена Марша) в области природоохранной биологии Лондонского зоологического общества в 1995 году за вклад в фундаментальную науку и её успешное применение в охране животных и их биотопов.

Перечень научных и общественных должностей Йена Ньютона очень велик. В 1993 году он был избран членом Королевского Общества (аналог нашей Академии наук), а в 1994 году – членом Королевского Общества Эдинбурга. В 1994-1995 годы он – Президент, а в 1993-1996 – член Совета Британского экологического общества; в 1989-1992 – вице-президент Британского орнитологического союза; в 1994-1996 – член научного комитета Британского треста орнитологии; в 1982-1985 – член комитета научных советников организации, занимающейся изучением и охраной дичи (Game Conservancy); в 1988-1996 – член Бюро и председатель программного комитета Североамериканского «Сапсан-Фонда»; член исполнительной группы по реинтродукции красного коршуна и орлана-белохвоста при Совместном комитете по охране природы (JNCC). Кроме того, Йен был помощником редактора в орни-

тологическом журнале «Ibis» в 1965-67 годах, состоял членом редколлегии журнала «Journal of Animal Ecology» с 1992 года и с 1993 года – Трудов Королевского Общества («Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences»).

Официально выйдя на пенсию 10 лет назад, Йен Ньютон занялся написанием аналитических обзоров, которые один за другим выходили в престижном издательстве Academic Press. Первый из них – «Population limitation in birds» на 595 страницах, вышел ещё в 1998 году. Потом увидели свет «Speciation and biogeography of birds» (2003, 656 стр.), «The migration ecology of birds» (2007, 984 стр.). В настоящее время Ньютон работает над обзором «Bird migration», который должен выйти в апреле 2010 года на 400 страницах в издательстве Collins в серии «Новая библиотека натуралиста». Все эти монументальные сводки заслуживают самых высоких оценок. Они уже стали классикой мировой орнитологии. Нужно заметить, правда, что написаны они преимущественно на основе анализа лишь англоязычной литературы, а результаты исследований, опубликованных на других языках (испанском, немецком, русском, французском, японском) представлены в них явно недостаточно. Справедливости ради стоит отметить, что и на одном английском языке объём литературы за последние годы вырос настолько, что переработать его просто не под силу одному человеку. И так количество библиографических ссылок в этих обзорах поражает: например, при написании сводки «Миграционная экология птиц» автор использовал 2700 литературных источников.

Ещё учась в Бристольском университете, Йен обратил внимание на Галину Бельковскую (Halina Bialkowska), изучавшую в этом же университете микробиологию. Она родилась в польской семье, переехавшей в Великобританию после войны, в 1947 году. История Галины довольно интересна. Когда Сталин вторгся в восточную Польшу в 1940 году, то по его приказу все офицеры польской армии и их семьи были депортированы в СССР. Её отец был отправлен в трудовой лагерь в Сибирь, а мать и старшая сестра – в ссылку в Казахстан. Сама Галина родилась в скотном вагоне поезда по пути из Польши в Казахстан. С течением времени семья снова воссоединилась в Ливане после соглашения, достигнутого Сталиным и Черчиллем, согласно которому поляки освобождались на условии, что они снова поступают в армию для борьбы с Гитлером на стороне союзников. Однако отец Галины не был призван на фронт, а в 1947 году ему представилась возможность переехать или в Польшу, или в Британию. Он выбрал Британию, поскольку Польша снова оказалась под влиянием сталинизма.

Галина Бельковская и Йен Ньютон поженились в 1962 году, у них родились два сына и дочь. Сейчас старший сын занимается сельским хозяйством в Южной Африке, второй сын – эпидемиолог в университе-

те Йорка, дочь работает учителем. Галина и Йен уже четырежды стали бабушкой и дедушкой.

В перерывах между напряжённой научной работой Йен умудрялся выкраивать время, чтобы ухаживать за яблоневым садом и разводить редкие и старые породы кур. За 15 лет работы в саду удалось получить хорошие урожаи от многих яблонь, включая старые сорта. К сожалению, яблоневый сад им пришлось оставить при очередном переезде. Их нынешний дом – отреставрированная ветряная мельница, где быт им скрашивает спаниель. Йен также любит путешествовать и вместе с супругой побывал практически на всех континентах.

Если спросить, кто является олицетворением современной британской орнитологии, то большинство, не задумываясь, ответит – профессор Ньютон. Наверное, знаменитые однофамильцы-соотечественники XVII, XVIII и XIX веков просто обязывают Йена не опускать планку. Пожелаем же профессору Ньютону здоровья, долгих лет жизни и новых научных достижений!

Автор благодарит проф. Йена Ньютона (Prof. Ian Newton) и докт. Майку МакГреди (Dr. Mike McGrady) за помощь при написании данного очерка.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 546: 139-146

К биологии длинноклювого пыжика ***Brachyramphus marmoratus perdix***

А. П. Кузякин

*Второе издание. Первая публикация в 1963**

Длинноклювый пыжик *Brachyramphus marmoratus* (J.F.Gmelin, 1789) был описан в 1789 году по экземпляру из бухты принца Уильяма (юго-восточное побережье Аляски). С тех пор этих птиц неоднократно наблюдали и добывали в гнездовое время в северном секторе Тихого океана: близ Владивостока, в заливе Де-Кастри, в разных местах Охотского побережья, вдоль восточных берегов Камчатки, восточных островов Алеутской гряды и от южного побережья Аляски до Калифорнии (Dawson 1940). Негнездящиеся птицы добывались также в Колючинской губе (на Чукотке), у Курильских и Шантарских островов, у берегов Японии и Кореи. Азиатская форма, первоначально описанная Палласом (Pallas 1811) в качестве особого вида (*Cerpphus perdix*),

* Кузякин А.П. 1963. К биологии длинноклювого пыжика // *Орнитология* 6: 315-320.

теперь трактуется как подвид американского длинноклювого пыжика: *B. marmoratus perdix* (Pallas, 1811) (см. Дементьев 1951).

По биологии размножения этого вида, кроме мест, где он встречался в гнездовое время (июнь-июль) и мест добычи молодых птиц в послегнездовое время (в августе), до сих пор было известно только следующее. Б.Дыбовский нашел на острове Медный (Командорские острова) одно яйцо размерами 62.5×41.2 мм, бледно-охристое с шиферно-серыми крапинками и с поверхностными ржавчато-бурыми пятнами, сгущающимися у тупого конца. Это яйцо приписывалось длинноклювому пыжику (Taczanowski 1893). Однако достоверность определения этой находки настолько незначительна, что Козлова (1957) не ссылается на неё. Следовательно, гнездовая биология азиатской формы длинноклювого пыжика остается полностью неизвестной.

В Америке одно яйцо было извлечено из яйцевода самки, добытой 23 мая 1897 у архипелага принца Уэльского. «Оно имело цилиндрически-овальную форму. Основной фон – бледно-жёлтый, с довольно равномерно разбросанными мелкими серовато-бурыми пятнами» (Козлова 1957). Другое яйцо найдено 10 июня 1904 в скалах Аляски в 108 км к северу от Нома. По форме и окраске оно в общем сходно с предыдущим; размеры его: 60.5×37.5 мм. Ссылок на добычу птицы на гнезде или около гнезда нет.

В 1961 году нам удалось найти гнездо с кладкой и добыть на нём длинноклювого пыжика. Эта находка настолько необычна, что позволено описать её подробнее.

С 14 по 25 июня 1961 я провёл в лиственничной тайге Охотского побережья. В качестве базы был избран посёлок, расположенный на водоразделе рек Охоты и Кухтуя, в 12 км к северо-западу от Охотска.

Рано утром 17 июня я шёл по равнинной высокоствольной лиственничной тайге на юго-восток от посёлка (в сторону моря). В одном месте видел пару незнакомых птиц величиной с вальдшнепа, но с коротким клювом и ногами. Они быстро летели чуть выше вершин деревьев, одна из них издавала громкий свист, который ранее мне слышать не приходилось.

В 7 ч 15 мин утра (местного времени) я вышел в 6-7 км от моря на заброшенную узкую короткую просеку с тропой вдоль неё, у старой растающей вырубке с отдельными крупными деревьями. Площадь вырубке немногим больше 1 га; за дальним её краем – узкая долина небольшой речки, вероятно, притока Кухтуя. Кругом – высокоствольная лиственничная тайга без примеси каких-либо других деревьев.

На ветке одной лиственницы близ края вырубке я заметил кон-тур, похожий на птицу, сидящую боком ко мне с вытянутой вверх шеей. На неподвижном профиле головы выделялся блестящий глаз. Не очень короткий заострённый клюв постепенно переходил в очертание узкой го-

ловы без заметного подъёма в области лба. Окраска видимой части птицы была тёмно-серая сверху и беловато-серая на боках головы и груди. Я стал приближаться и обходить дерево. Птица оставалась неподвижной, как изваяние. Под ней был небольшой пучок древесного лишайника *Bryorogon*, похожий на маленькое гнездо. Полез на дерево, чтобы осмотреть пучок. Спугнутая птица быстро улетела через вырубку в сторону моря. Приблизившись к ветке и спеша ощупать верх пучка, я прикоснулся пальцем к поверхности крупного яйца. Поднявшись выше, увидел яйцо необыкновенное по окраске, а по форме похожее на яйца некоторых чистиковых, например, белобрюшки *Suslorrhynchus psittacula*. Сомнений не оставалось, что яйцо принадлежит пыжику, но какому: пёстрому (длинноклювому) или серому *Brachyramphus brevirostris* (короткоклювому)? По окраске птица совсем не показалась пёстрой; её точнее было назвать тёмно-серой (особенно сверху). Около тупого конца яйца оказалось небольшое отверстие диаметром 3-3.5 мм. Когда я встряхнул яйцо, из отверстия потек белок. Яйцо упаковал в футляр бинокля, а осторожно снятое с веток гнездо сбросил вниз и слез с дерева.

Водворять снятое гнездо обратно и деформировать его не хотелось. Решил на месте взятого устроить из лишайника искусственное гнездо и поставить в нём прикрытый слоем того же лишайника дуговой капкан № 0, каким обычно ловлю на гнёздах трудно определяемых на расстоянии куликов, дроздов и др. Пружину капкана подвязал тонким шпагатом (длиной около 10 см) к основанию сучка, чтобы попавшийся пыжик не мог отлететь с капканом и укрыться вместе с ним под какой-нибудь валёжиной. Возникало опасение и в том, что упавший с капканом на землю пыжик мог быть утащен или съеден на месте каким-нибудь наземным хищником.

Сначала укрылся в 50 м от дерева за редким в этой тайге кустом кедрового стланца. Посидел минут 15-20, но, опасаясь напугать своим присутствием вернувшегося пыжика, пошёл вдоль просеки учитывать птиц. Ровно через час после того, как обнаружил гнездо и спугнул с него птицу, в 8 ч 15 мин, со стороны гнезда услышал громкий свист, совершенно неотличимый от слышанного ранним утром от пары летевших пыжиков. Вернулся к гнезду, но улова не оказалось. Птица, видимо, подлетала, но сесть на искусственное гнездо без яйца побоялась. Оставаться в таком положении поблизости казалось рискованным, и я ушел на базу. Вторично вернулся к «гнезду» в 22 ч, но добычи всё не было. Третий раз к искусственному гнезду с капканом подошёл в 7 ч 45 мин следующего дня. С расстояния немногим менее 200 м услышал звуки, похожие на стук дятла. Оказалось, что по дереву стучал крыльями висящий вниз головой вместе с капканом пыжик. Капканом захватило ногу у проксимального конца цевки, кость перебило,

а кожа и мышцы оказались уже «перееденными». Птица держалась только на сухожилии. Попала она, вероятно, ночью и висела в капкане много часов. Так было добыто доказательство видовой принадлежности найденного гнезда.

Гнездо располагалось (см. рисунок) на ветке с широкой плоской поверхностью, образованной густым переплетением мелких веточек, расположенных почти в одной плоскости. Высота лиственницы около

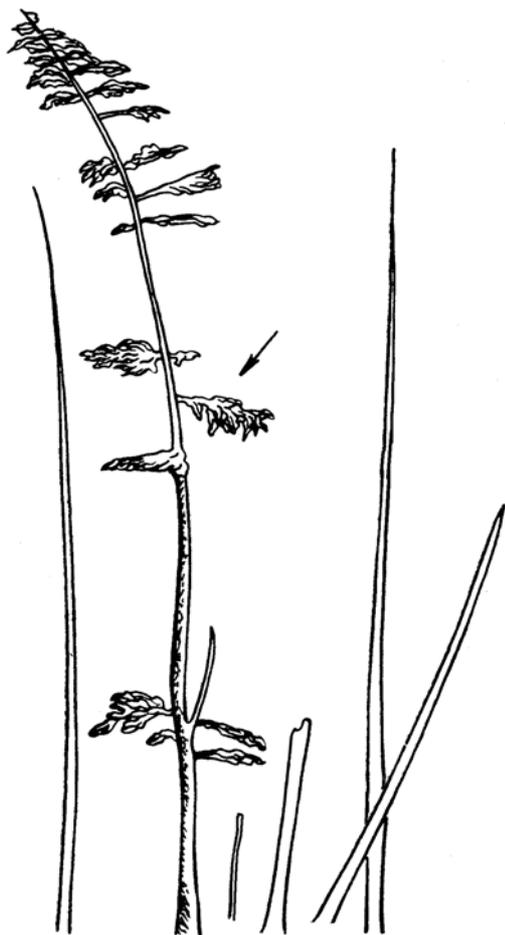

Схема расположения гнезда длинноклювого пыхика (набросок с натуры)

12 м; диаметр на высоте 1.5 м около 17 см; обхват – 53 см, Высота гнезда от земли 6.8 м. От ствола до края гнезда около 25 см. Пучок лишайника, использованного для гнезда, видимо, был на этой ветке, не собирался и не складывался птицей из отдельных мелких пучков. В этом участке тайги космы лишайника висели на ветках почти всех лиственниц, а крупные пучки сверху веток были примерно на одном из десятка деревьев. Относительная монолитность этого пучка и его прочная связь с мелкими ветками тоже указывали, что гнездо не строилось птицей.

Диаметр гнездового пучка 14×17 см. Диаметр лотка около 6×9 см. Глубина лотка 2-2.5 см. Высота пучка 3-4 см (неодинаковая с разных сторон). Вес гнездового пучка вместе с пронизывающими его мелкими веточками – 24.7 г.

Яйцо удлинённо-овальной почти эллипсоидальной формы: к одному из полюсов оно сужено едва сильнее, чем к другому. Длина яйца 63.6 мм; поперечный диаметр 39.3 мм. Неполный вес яйца

(без части вытекшего через отверстие содержимого) 48 г; полный вес был, вероятно, на 2-3 г больше. Окраска поверхности яйца своеобразная. Общий фон, по шкале цветов Бондарцева (1954), голубовато-зеленоватый (*glaucescens*, *pallido-callainus*, а7). По этому фону рассеяны немногочисленные мелкие и очень мелкие пятна. Диаметр самых крупных единичных пятен не превышает 2.0 мм. Число пятен крупнее 1 мм не более 10. Остальные – в виде мелких точек, редко рассеянных почти по всей поверхности яйца, кроме острого полюса. По цвету почти все пятна буроватые (*fuscatus*, б4), ореховые (*avellaneus*, к5) или средние между ними. Часть пятен тусклые тёмно-песочные (*atroarenicolor*,

з6) и одно тёмно-каштановое (о7). При малом числе, небольших размерах и бледной окраске большинства пятен и точек основной фон явно преобладает. Это описание окраски составлено 27 сентября 1961, т.е. через три с лишним месяца, когда бросилось в глаза явное потускнение общего фона. Вначале фон был ярче, видимо, ближе к голубовато-зелёному, или фиолетово-зелёному (*caerulescenti-viridis*, и5). Столь яркая окраска яйца резко контрастировала с тёмно-бурым цветом гнездового пучка лишайника, но бросалось в глаза значительное сходство общего фона яйца с окраской свежих молодых хвоинок лиственницы; это сходство показалось нам не случайным.

Мы не знаем диапазона вариации в окраске яиц этого вида. Но уместно отметить, что найденное яйцо по окраске резко отличается от яйца американской формы, извлечённого из яйцевода, и от яиц, найденных на Аляске и на острове Медном, которые приписывались длинноклювому пыжику. Неснесённое яйцо могло быть ещё «не покрашенным», а два снесённых как по окраске, так и по местам их нахождения принадлежали, видимо, другим видам чистиковых. Наша находка увеличивает сомнения в видовой принадлежности прежних находок снесённых яиц и должна считаться первой бесспорной находкой гнезда длинноклювого пыжика.

Скорлупа яйца на большей части поверхности слабо блестящая; лишь при увеличении ($\times 7$) видны многочисленные мелкие углубления и редкие низкие бугорки. Но около полюсов, особенно около более суженного полюса, ясно выступает шероховатость от многочисленных бугорков, частью сгруппированных в продольно вытянутые низкие гребневидные полосы. Отверстие у несколько менее суженного полюса – неизвестного происхождения. Оно не похоже на прокол когтем птицы или концом веточки дерева. Края отверстия кажутся как бы «опаянными». В одну сторону от отверстия идёт небольшая волнистая трещинка, явно несквозная, тоже как бы опаянная, а от противоположного края отверстия тянутся два валика из слившихся бугорков; один из них высокий изогнутый, длиной около 10 мм и шириной до 2 мм. Форма краёв отверстия и радиально отходящие от него валики и несквозная трещинка указывают, пожалуй, на то, что яйцо было снесено с этим отверстием. Внешняя подскорлупная оболочка под отверстием была порвана, а внутренняя, видимо, оставалась целой (я порвал её, когда сильно встряхнул яйцо). При целостности последней отверстие не мешало началу развития эмбриона: на желтке уже сформировались кровеносные сосуды. Насиженность яйца (хотя и незначительная) указывала на законченность кладки.

На искусственном гнезде в капкан попал самец длинноклювого пыжика с очень слабо развитыми семенниками. Длина его 275 мм; хвост 35; крыло 144; размах крыльев 490 мм. Длина клюва от перед-

него края ноздри 19.5 мм. Длина клюва – более надёжный и характерный отличительный признак *marmoratus* от *brevirostris*, чем окраска их оперения. Пестрота окраски этих видов выражена в одинаковой степени, или даже ярче у «серого» пыжика, чем у «пёстрого». По этой причине мы считаем более удачными русские названия: длинноклювый пыжик для *B. marmoratus* и короткоклювый для *B. brevirostris*, применяемые Портенко (1950) и Козловой (1957). Называть последнего серым пыжиком особенно нежелательно, так как он в любом оперении не серый (пёстрый), а его латинское видовое название (*brevirostris*) означает – короткоклювый.

Предполагается, что добытый нами самец пыжик попытался сесть на гнездо и попал в капкан в середине или во второй половине ночи (во всяком случае не раньше 22 ч 30 мин и раньше 5-6 ч утра). Второе предположение сводится к тому, что добыта не та птица, которая покинула гнездо утром 17 июня. Если эти предположения правильны, то утром на гнезде сидела самка, а ночью ей на смену прилетел самец.

Столь необычное для всех чистиковых птиц, в том числе и для других видов этого рода, расположение найденного гнезда, во-первых, подтвердило правильность предположений американских орнитологов, что длинноклювые пыжики гнездятся в лесистых горах (Bent 1919) и далеко от моря (Dawson 1940). Во-вторых, любопытно представить себе способ, каким должен был добираться птенец пыжика до моря.

В первые дни жизни птенец, вероятно, сидит в гнезде, а родители приносят ему корм (как у всех других чистиковых). Но вряд ли он вскармливается родителями до полной способности к полёту. Естественнее предположить, что он, подобно птенцам других чистиковых, покидает гнездо до того, как станет способным летать. В последнем случае он должен прыгнуть с дерева вниз, в данном случае, с высоты 7 м. При таком прыжке не исключена возможность удара о ветки, расположенные почти мутовкой четырьмя метрами ниже. Если же прыжок совершится благополучно, то птенцу потребуются (вероятно, по зову родителей) дойти до ближайшего водоёма.

От лиственницы с гнездом берег ближайшей речки расположен на расстоянии около 200 м. Это расстояние птенец с маленькими перепончатыми лапками должен пройти по краю леса и вырубке с густым и перепутанным травяным покровом или, в лучшем случае, по менее заросшей (слабо проторённой) тропе. Может быть, этим и обусловлена близость гнезда от тропы (около 10 м)?

Так или иначе, преодолев 200-метровое расстояние, птенец попадает в русло речки. В июне оно было полупересохшим: вода сохранялась только в углублениях в виде цепи изолированных друг от друга бочагов. Наполняется ли русло речки от летних дождей и становится ли вода в ней проточной – не известно. Если русло наполняется, то

дальнейший путь птенца становится ясным. Если же наполнения летом не происходит, то птенец должен переходить вдоль тальвега от одного бочажка к другому, или жить в них до подъёма на крыло. В этих водоёмчиках много рыбьих мальков и, вероятно, крупных беспозвоночных, которыми птенец может питаться без помощи родителей. По прямой линии гнездо находится в 6-7 км от моря, но по сильно искривлённому руслу речки и руслу Кухтуя это расстояние возрастает до 8-9 км.

Казалось бы, пыжикам удобнее гнездиться ближе к морю и что близ моря больше шансов найти другое гнездо или даже несколько гнёзд. 22 июня 1961 я прошёл от посёлка до моря у села Булгино (против Охотска) и выяснил следующее.

Через 1-1.5 км к юго-востоку от найденного гнезда (в сторону моря) крупноствольный лиственничник сменяется тонкоствольным и низкорослым и вскоре переходит в «марь», т.е. в моховое болото, на больших подушках которого растут совсем тонкие лиственнички высотой 2-3 м. За полосой мари – узкая полоска чахлого лиственничного редколесья, а за ним начинается открытая тундра вперемежку с луговыми участками. В одном месте по малозаметным песчаным буграм и грядам крупные лиственницы идут до самой тундры, прорезая полосу мари и редколесья. Эти то языки крупноствольного леса особенно привлекали меня. Но при осмотре оказалось, что там, как в марях и редколесье, на всех деревьях совсем не растёт бородатый лишайник *Bryopogon*; стволы и ветки лиственниц там густо покрыты лишайниками, но печёночного типа, прилегающими к коре и не образующими мягких пучков, которые можно было бы использовать в качестве гнёзд.

Около моря пыжики, вероятно, могли бы поселиться в старых гнёздах других птиц, например, ворон или дроздов. Но дроздов там не оказалось. Одна чёрная ворона *Corvus cornix orientalis* была встречена около Булгино, но она вела себя не как гнездовая. Ни одного вороньего гнезда ни жилого, ни старого обнаружить не удалось.

После такого похода можно было придти к выводу, что если другие длинноклювые пыжики гнездятся, как найденная пара, то благоприятные для такого гнездовья участки лиственничной тайги (с деревьями, густо поросшими бороватым лишайником) начинаются не ближе 4-5 км от моря.

Литература

- Бондарцев А.С. 1954. *Шкала цветов*. М.
Дементьев Г.П. 1951. Отряд чистики Alcae или Alciformes // *Птицы Советского Союза*. М., 2.
Козлова Е.В. 1957. *Ржанкообразные: Подотряд чистиковые*. М.; Л. (Зоол. ин-т АН СССР. Фауна СССР. Нов. сер. № 65. Птицы. Т. 2. Вып. 3).
Портенко Л.А. 1950. *Атлас охотничьих и промысловых птиц и зверей СССР*. М.

- Bent A. 1919. Life histories of North American living birds // *Smiths. Inst. U.S. Nat. Mus.* **107**.
- Dawson W. 1940. *The Birds of California*. **3**.
- Pallas P.S. 1811. *Zoographia Rosso-Asiatica*.
- Taczanowski L. 1893. Faune ornithologique de la Sibérie orientale // *Mem. Acad. Imp. Sci. St.-Petersbourg* **39**.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск **546**: 146-151

Миграции гусей на острове Сахалин

В.А.Нечаев

Второе издание. Первая публикация в 1996*

Через остров Сахалин, расположенный вдоль восточного побережья Азиатского материка и имеющий протяжённость около 1 тыс. км по меридиану, проходят важнейшие для юга Дальнего Востока России миграционные пути перелётных птиц различных экологических групп. Из гусеобразных многочисленны речные и нырковые утки, обычны лебеди-кликуны *Cygnus cygnus* и малые лебеди *C. bewickii*. Миграции гусей выражены слабо. Основной пролётный вид – таёжный гуменник *Anser fabalis middendorffi* Severtsov, 1873, реже встречаются тундровый гуменник *A. f. serrirostris* Swinhoe, 1871 и белолобый гусь *A. albifrons*, ещё реже – пискулька *A. erythropus*, сухонос *Cygnopsis cygnoides* и тихоокеанская чёрная казарка *Branta bernicla nigricans* (Lawrence, 1846). Одиночные серые гуси *A. anser* залетали на остров всего несколько раз (Нечаев 1991; наши данные).

Белолобый гусь *Anser albifrons*

В 1880-х годах белолобого гуся относили к редким птицам Северного Сахалина (Супруненко 1890). По данным японских орнитологов (Окада 1939), этот гусь был редок и в 1930-е годы. В конце 1940-х его считали крайне редким на весеннем пролёте и не отмечали осенью (Гизенко 1955).

В настоящее время белолобый гусь – малочисленный пролётный вид острова (Нечаев 1991); чаще встречается весной, реже осенью. Сроки весенних миграций в южных районах острова (залив Анива, озёра Муравьёвской низменности, долина реки Сусуй, озёра Лебяжье, Айнское и др.): вторая половина апреля – первая декада мая, интен-

* Нечаев В.А. 1996. Особенности миграции гусей на острове Сахалин // *Казарка* **2**: 268-275.

сивные миграции – в третьей декаде апреля. Через залив Анива (бухта Лососей) в годы с ранней и относительно тёплой весной (1983, 1985, 1988 гг.) стаи гусей пролетают в течение третьей декады апреля, а в годы с поздней и холодной весной (1980, 1984, 1986, 1989) миграции продолжаются до середины мая. При благоприятной для перелётов погоде птицы, преодолев пролив Лаперуза, следуют транзитом через залив Анива и озёра Муравьёвской низменности и далее, на север, летят без остановок над Сусунайской долиной до озера Лебяжьего. Низкие температуры и внезапные снегопады задерживают продвижение птиц. При неблагоприятной погоде гуси останавливаются на бухте Лососей (залив Анива), некоторых озёрах Муравьёвской низменности и долины реки Сусуй. Места остановок пролётных стай – приливно-отливная полоса морских заливов, озёра и болота в прибрежных и внутренних районах острова, иногда поля, занятые озимыми злаками и многолетними травами.

На юге Сахалина весенний пролёт проходит обычно в конце апреля – первой половине мая. Так, в 1992 году, когда весна была ранней, но с продолжительными снегопадами в конце апреля, стая белолобых гусей численностью около 50 особей появилась в бухте Лососей в полдень 29 апреля; в это время здесь отмечалось похолодание и начался обильный снегопад. Гуси держались на песчано-илистом участке литорали, обнажавшейся в период отлива, в 200 м от берега. На другой день, 30 апреля, в стае, которая была на прежнем месте, уже насчитывалось около 300 птиц. При улучшении погоды в первой половине дня 1 мая гуси покинули бухту. Затем в первых числах мая над бухтой пролетало несколько стай гусей. Последние стаи, состоящие из 5, 90-100 и 140-150 птиц, были встречены 4 мая, а около 50 особей – 7 мая. Весной 1992 года общая численность белолобых гусей, пролетавших над бухтой Лососей, по нашим данным, составила не более 1 тыс. птиц.

Там же в затяжную и холодную весну 1984 года миграции гусей наблюдали с 8 по 18 мая; птицы летели интенсивно 8 мая: за 3 ч было учтено 10 стай общей численностью до 450 особей. Над Южно-Сахалинском 7 мая отмечена стая из 50 птиц (Нечаев 1991). В некоторые годы небольшие стаи и одиночные гуси встречались до конца мая.

В центральных районах острова, в частности на озере Айнском в 1978 году, стаи белолобых гусей отмечали 20-27 мая (Нечаев 1991).

Весенние миграции белолобых гусей на Северном Сахалине проходят во второй половине мая, осенние миграции – в сентябре-октябре. Осенью эти гуси по всему Сахалину встречаются реже, чем весной. Стаи, пролетавшие без остановок над бухтой Лососей, наблюдались охотниками в октябре. На полуострове Шмидта (Северный Сахалин), где наблюдения за миграциями гусей проводились в течение двух осенних сезонов, белолобые гуси ни разу не были встречены

(Ерёмин, Воронов 1984), хотя, вероятнее всего, этот вид попал в категорию гусей, «достоверно не определённых».

Гуменник *Anser fabalis*

Как и белолобый гусь, гуменник на острове Сахалин малочислен. В 1880-х гуменник гнезился на Северном Сахалине (Супруненко 1890); возможно, одиночные пары гнездятся и сейчас. Во время миграций чаще встречается в северных, реже в южных районах острова.

Весенняя миграция гуменников на Южном Сахалине идёт во второй половине апреля – первой декаде мая, на Северном Сахалине – в течение мая. Места остановок на отдых и кормёжку – озёра Муравьёвской низменности, озёра и реки по Сусунайской долине и Тымь-Поронайской низменности, побережья озёр Лебяжье, Невское и др., реже – песчано-илистые участки литорали в приливно-отливной полосе моря и травянистые морские берега.

Весной при благоприятной погоде гуси, преодолев пролив Лаперуза, следуют над заливом Анива, нередко без остановок. В бухте Лососей в третьей декаде апреля, по нашим данным, гуменники останавливаются только при ухудшении метеоусловий: снегопаде, сильном северном ветре и т.д. Так, в 1992 году первые гуменники были встречены 22 апреля. В течение дня было подсчитано около 100 птиц, которые держались здесь до 29-30 апреля. За 9 дней (с 22 по 30 апреля) было учтено около 120 птиц; они группировались в стаи из 15-20 особей. В холодную и затяжную весну 1984 года интенсивная миграция гуменников началась 9-10 мая (Нечаев 1991).

На Северном Сахалине оживлённые миграции гуменников проходят во второй декаде мая. Несколько стай численностью от 20 до 50 птиц наблюдались мною 10 мая 1992 на заливе Байкал и 9-13 мая на заливе Пильтун, уже не полностью скованных льдом. Гуменники летели на северо-восток. 11 мая одна из стай численностью 30 особей, перелетев с запада на восток залив Пильтун, направилась через Охотское море в сторону полуострова Камчатка.

Осенние миграции гуменников проходят во второй половине августа – сентябре. Стаи этих гусей отмечали в августе-сентябре в устье реки Тымь и «в большом количестве» севернее (Гизенко 1955). На полуострове Шмидта интенсивные миграции гусей наблюдались 25-26 сентября 1979 и 24 сентября 1982; было подсчитано около 2 тыс. птиц; основное направление пролёта – юго-западное (Ерёмин, Воронов 1984). В заливе Анива пролётная стая из 32 птиц наблюдалась 10 октября 1984 (Нечаев 1991). Мною установлено, что в период миграций как весной, так и осенью, Сахалин посещают таёжные гуменники, окольцованные в период линьки на западном побережье полуострова Камчатка. На заливе Анива (бухта Лососей) 25 апреля 1992 мы наблюдали

птицу с оранжевым ошейником, а в третьей декаде сентября 1987 на Успенских болотах (вблизи бухты Лососей) охотником был добыт окольцованный гуменник.

Пискулька *Anser erythropus*

Редкий вид острова (Гизенко 1955; Нечаев 1991), чаще встречается на Северном, реже на Южном Сахалине. Сроки весенних миграций не выяснены. Вероятнее всего, пискульки летят одновременно с белолобыми гусями. За годы наблюдений (1976-1989, 1992) в заливе Анива (бухта Лососей) пискульки отмечались мною только один раз: 8 мая 1984 видели на близком расстоянии пролетающую стаю из 15 особей (Нечаев 1991). Осенние миграции – в сентябре-октябре. На полуострове Шмидта пролёт пискулек регистрировали во второй половине сентября: всего было учтено около 500 гусей (Ерёмин, Воронов 1984). На Айнском озере пискулек отмечали в начале октября 1949 года (Гизенко 1955).

Сухонос *Cygnopsis cygnoides*

Редкий гнездящийся вид, численность которого находится на низком уровне и продолжает сокращаться. На северо-западном побережье, в бассейне реки Тык, – основном районе обитания этого вида на острове – в 1984 году было учтено не более 50 пар (Нечаев 1991), а общая численность сухоноса на острове составляла, вероятно, не более 100 пар (Нечаев 1992). Весенние миграции проходят во второй половине апреля – начале мая, и отмечаются они в основном на Северном Сахалине. В заливе Байкал – вероятно, на местах гнездования – 5 птиц наблюдались мною 10 мая 1992. В южных и центральных районах острова миграции не выражены. На юге, в бухте Лососей, одиночные летящие птицы были встречены мною в июне (Нечаев 1991). Редкие встречи сухоносов на юге острова свидетельствуют о том, что сахалинская популяция вида прилетает на остров с континента и, в основном, в северные районы.

Многолетние (с 1976 по 1989 и 1992 год) наблюдения автора и детальный анализ результатов работ предыдущих исследователей миграций птиц (Никольский 1889; Супруненко 1890; Ерёмин, Воронов 1984; Остапенко 1994; и др.) показали, что гуси наиболее интенсивно пролетают через северные районы Сахалина, в южных районах миграции выражены слабо. Выделены два основных направления весенних миграций: северо-восточное – с континента, и северное – с острова Хоккайдо. Первым путём с мест зимовок, расположенных главным образом в Китае, на Сахалин мигрирует большая часть белолобых гусей и гуменников, а также пискульки; с континента прилетают и гнездящиеся на острове сухоносы. Затем мигранты (кроме сухоноса)

пересекают Северный Сахалин (Северо-Сахалинскую равнину, полуостров Шмидта) с запада на восток и следуют на северо-восток – через Охотское море напрямик на полуостров Камчатка и северное побережье Охотского моря или на север – вдоль западного побережья моря. Вторым путём с зимовок, расположенных на Японских островах (в основном на острове Хонсю) на Сахалин следует небольшая (от общего количества мигрантов) часть белолобых гусей и гуменников; пролёт пiskuлек и сухоносов не выражен.

Известно, что на Японских островах зимуют в основном белолобые гуси и гуменники. Так, на 15 января 1992 там зимовало около 19 тыс. белолобых гусей, 7600 гуменников, 50 тихоокеанских чёрных казарок, 5 сухоносов и 3 пiskuльки (Results... 1992)/ Какая-то небольшая часть белолобых гусей и гуменников, зимовавших в Японии, была встречена автором в апреле 1992 года на юге острова (бухта Лососей). Далее мигранты следуют на север острова прибрежными и внутренними районами; на Северном Сахалине островной поток гусей вливается в континентальный поток. Малочисленность белолобых гусей на Южном Сахалине свидетельствует о том, что бóльшая часть птиц с японских зимовок весной улетает на континент – через Японское море на полуостров Корея и в Приморье, и лишь небольшая часть – через пролив Лаперуза на остров Сахалин.

Осенние миграции гусей проходят в основном в юго-западном направлении (с Сахалина на континент), в меньшей степени – в южном направлении (вдоль острова на юг, в Японию). Не исключено, что до середины XX века северные районы Сахалина были местом линьки гуменников, которые прилетали с континента. Большие скопления линяющих гусей были встречены в августе в долине нижнего течения реки Тымь и на побережье Ныйского залива (Никольский 1889; Гизенко 1955). Однако это могли быть и местные гнездящиеся птицы. В настоящее время Северный Сахалин – район интенсивного хозяйственного освоения, и поэтому вряд ли там ещё сохраняются места линьки гуменников.

Основные факторы, оказывающие отрицательное влияние на численность и размещение гусей на Сахалине – это пресс спортивной охоты, браконьерство и фактор беспокойства птиц. На Сахалине охота на гусей – белолобых и гуменников – производится не каждый год и в основном в северных районах, весной и осенью, в сезон охоты на водоплавающую дичь. К сожалению, большинство охотников не различает виды гусей, поэтому отстреливают и таких редких, внесённых в Красную книгу России птиц, как пiskuлька, сухонос и тихоокеанская чёрная казарка. В связи с редкостью восточных популяций гуменников и с включением этого вида в региональную (дальневосточную) Красную книгу (Редкие... 1989) необходимо запретить охоту на него на всей

территории Дальнего Востока, а также на зимовках. И, конечно, необходима пропаганда идей охраны природы, в том числе и птиц, среди местных жителей и охотников.

Литература

- Гизенко А.И. 1955. *Птицы Сахалинской области*. М.: 1-328.
- Ерёмин Ю.П., Воронов Г.В. 1984. Осенний пролёт гусеобразных на севере Сахалина // *Эколого-фенологические исследования Сахалинской области*. Владивосток: 136-138.
- Нечаев В.А. 1991. *Птицы острова Сахалин*. Владивосток: 1-748.
- (Нечаев В.А.) Nechaev V.A. 1992. Status of the swan goose and mandarin duck on Sakhalin Island, Russian Far East // *IWRB Threatened Waterfowl Research Group Newsletter*. Slimbridge, 2: 12-13.
- Никольский А.М. 1889. Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных // *Зап. Импер. Акад. наук* **6**. Прил. 5: 1-334.
- Окада Г. 1939. [Птицы Южного Сахалина] // *Яме* **6**, 1: 75-84 (яп.).
- Остапенко В.А. 1994. Формирование сезонных перемещений птиц Восточной Азии (историко-географический аспект) // *Проблемы современной экологии и экологического образования*. М.: 31-45.
- Редкие позвоночные животные советского Дальнего Востока и их охрана*. 1989. Л.: 1-239.
- Супруненко П.И. 1890. Фауна позвоночных острова Сахалин // *Каталог международной тюремной выставки*. СПб.: 1-62.
- Results of the annual nation-wide waterfowl count 1992*. 1992 // *Strix* **11**: 361-375.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 546: 151-152

Питание ястреба-перепелятника *Accipiter nisus* во время весенней миграции на Куршской косе

Е.А. Шаповал, А.П. Шаповал

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

Некоторые дневные хищники, питающиеся птицами, перед заглатыванием жертвы ощипывают её. Обнаружение таких мест «ощипов» даёт возможность выяснить спектр питания отдельных видов.

* Шаповал Е.А., Шаповал А.П. 1988. Питание ястреба-перепелятника (*Accipiter nisus*) во время весенней миграции на Куршской косе Балтийского моря // *Тез. докл. 12-й Прибалт. орнитол. конф.* Вильнюс: 243-244.

Известно, что перепелятник *Accipiter nisus*, тесно связанный своим питанием с мелкими воробьиными птицами, приурочен к ним и своей миграцией (Дольник, Паевский 1984).

Материалом для сообщения послужил анализ состава жертв перепелятника по ощипам, найденным весной 1980-1987 годов на Куршской косе Балтийского моря. В ходе регулярного обследования территории в радиусе 2 км к северу и югу от полевого стационара «Фрингилла» в апреле-мае мы за 7 лет нашли 233 ощипа (77% находок приходятся на 1986-1987 годы). Преобладающее большинство этих ощипов принадлежит перепелятнику, составляющему 94-96% от всех отмеченных и пойманных хищных птиц.

В питании перепелятника на Куршской косе во время весенней миграции отмечено 20 видов воробьиных птиц, среди которых преобладает зяблик *Fringilla coelebs* (55%). Значительно реже добываются зарянка *Erithacus rubecula* (10%), большая синица *Parus major* и певчий дрозд *Turdus philomelos* (по 6%), скворец *Sturnus vulgaris* (5%), чиж *Spinus spinus*, королёк *Regulus regulus* и чёрный дрозд *Turdus merula* (по 3%). Эти 8 видов составляют 91% жертв, остальные 12 видов добываются единично. Перепелятник чаще охотится на воробьиных мелких размеров. Среднего размера воробьиные (четыре вида дроздов и скворец) в его питании составляют всего 16%. Более крупных птиц (как воробьиных, так и неворобьиных) в питании не отмечено, хотя известен случай добычи самкой ястреба-перепелятника почтового голубя (М.Е.Шумаков, устн. сообщ.).

Большинство ощипов найдено в узкой полосе шириной около 100 м на границе посадок сосны с незакреплёнными дюнами (именно здесь и проходит основной пролётный поток мелких воробьиных), и в радиусе 500 м от больших рыбацких ловушек. Такая концентрация находок ощипов в районе расположения стационарных ловушек объясняется, во-первых, более частым обследованием данной территории, а во-вторых – тем обстоятельством, что после отлова и кольцевания выпущенные птицы находятся в состоянии некоторого стресса и представляют более лёгкую добычу для ястребов. Далее километра от ловушек находки ощипов сравнительно редки, а в лесных насаждениях на морской стороне косы – случайны.

Таким образом, в питании перепелятника на Куршской косе весной преобладают самые массовые на миграции виды, что подтверждают данные отлова (число пойманных особей за 1958-1984 годы) и количество ощипов (в скобках): зяблик – 101893 особи (129), зарянка – 14069 (23), большая синица – 7874 (14), певчий дрозд – 1447 (15).

Новые данные о птицах Баболовского парка города Пушкина

И.Н.Попов

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

Поступила в редакцию 10 января 2010

Представлены новые данные, дополняющие сведения о птицах Баболовского парка города Пушкина (пригород Петербурга), опубликованные ранее (Попов 2007). Они собраны во время эпизодических экскурсий в 2007-2008 годах и при более регулярных наблюдениях в гнездовой сезон 2009 года.

Tringa totanus. 16 августа 2007, т.е. в период осенней миграции травника, начинающейся в Ленинградской области в первых числах августа (Мальчевский, Пукинский 1983), с 22 ч 45 мин до 22 ч 55 мин слышали призывные сигналы одиночной птицы, летавшей над деревьями парка.

Actitis hypoleucos. 20 июня 2008 на влажном лугу в пойме речки Кузьминки было найдено гнездо перевозчика с кладкой из 4 яиц, устроенное в траве, в 30 м от реки. Державшаяся рядом птица постоянно издавала крики тревоги «хи-хи», летая кругами над лугом и периодически присаживаясь на ветви одного и того же дерева.

Scolopax rusticola. 26 августа 2007 вальдшнепа вспугнули с земли в смешанном участке парка с преобладанием ели, с мхами и черникой в напочвенном покрове. Взлетев, птица пролетела несколько десятков метров и скрылась в зарослях. Вероятно, имел место залёт на территорию парка во время летних миграционных перемещений, начинающихся в Ленинградской области с середины июля (Мальчевский, Пукинский 1983, Храбрый 1991). Однако принимая во внимание то обстоятельство, что в парке имеются достаточно большие площади биотопов, потенциально пригодных для гнездования этого вида, исключать возможность его гнездования в парке нельзя.

Numenius arquata. 23 сентября 2007 в период осенней миграции больших кроншнепов, в 21 ч были зарегистрированы видовые сигналы одиночной птицы, пролетавшей над парком.

Jynx torquilla. Брачные крики вертишейки в 2007-2009 годах регистрировались с первой декады мая. 28 июня 2008 у дороги, идущей между луговинами с отдельными группами берёз и кустами ив, было найдено гнездо вертишейки с птенцами, издававшими птенцовые

призывные крики. Оно располагалось в старом скворечнике, находящемся на дубе на высоте 8 м. 4 июля 2008 на границе луга и зарослей дерена и кустами ив было найдено ещё одно гнездо. Оно также располагалось в старом скворечнике на берёзе бородавчатой на высоте 8 м. Следует отметить, что и это гнездо находилось в нескольких метрах от дороги. Рядом с гнездом в кроне держалась взрослая птица и 2 слётка, а из летка скворечника периодически выглядывали ещё сидевшие в гнезде птенцы. Чаще всего они высовывались после того, как взрослая птица издавала немного гортанное сдвоенное «аа-аа» (с ударением на второй букве). Затем в течение 10 мин из гнезда по очереди вылетели ещё 3 птенца. Каждый из них, вылетев, отлетал от скворечника на несколько метров и садился на ветви, а спустя несколько секунд встряхивался и подлетал ко взрослой птице. Постепенно слётки рассаживались в кронах, постоянно издавая призывные крики, звучащие как трели. В гнезде при этом всё ещё оставались другие птенцы.

Dendrocopos leucotos. Вплоть до 2008 года белоспинные дятлы отмечались в парке только в осенне-зимний период. 28 июня 2008 на дубе, растущем у дороги, держалась самка, добывавшая насекомых-ксилофагов, долбя кору дерева. 2 апреля 2009 были встречены три птицы в состоянии брачного возбуждения – самец и две самки. Они вели себя очень активно, были слышны агрессивные крики «джудь-джудь», а также трелевые варианты крика «кик». Дятлы перелетали с дерева на дерево, гонялись друг за другом. 23 июня 2009 в смешанном елово-осиново-березовом насаждении с хорошо развитым подлеском и подростом и с большим количеством усыхающих деревьев встречена семья белоспинных дятлов – самка и 2 слётка. Птицы перемещались, перелетая с одного дерева на другое, при этом молодые издавали негромкие, «сдавленные» верещащие крики. Они пробовали самостоятельно добывать корм путем долбления стволов, но делали это неумело и неловко: удары были очень слабые и неточные. Один раз за время наблюдения в течение 5 мин самка покормила одного из слётков.

Hippolais icterina. 27 июня 2009 в лиственном участке с подлеском из рябины и дерена было найдено гнездо зелёной пересмешки, расположенное на берёзе бородавчатой в месте ответвления ветви от ствола, на высоте 4 м. Самка насиживала.

Sylvia atricapilla. 4 июля 2008 в смешанном участке парка на границе с лугом самец черноголовой славки кормил слётка.

Phylloscopus trochiloides. Поющие самцы, а также пара зелёных пеночек в гнездовое время встречались в парке в 2004-2006 годах (Попов 2007). В 2007 и 2008 в парке также ежегодно регистрировались 1-2 поющих самца. В течение последней декады мая и всего июня 2009 года в смешанном елово-осиново-берёзовом участке парка с хорошо развитым подлеском и подростом, с валежником, участками зелёных мхов

и опадом в напочвенном покрове регулярно отмечалась пара зелёных пеночек, явно придерживавшаяся определённой территории.

7 июля 2009 здесь в нише выворота ели было найдено гнездо зелёной пеночки, в котором находились 5 птенцов в возрасте 7-8 дней. Взрослые птицы держались на гнездовом участке, издавая сигналы тревоги. 16 июля на этом же участке был встречен выводок из 3 слётков и кормившая их взрослая птица. Слётки сидели на разных ветвях одной ели на высоте 8-10 м, чистились, периодически издавая тихие, с «хрипотцой» крики «ишш-ишш-ишш» (с ударением на последнем звуке каждого слога). Известно, что численность зелёной пеночки в Ленинградской области сильно колеблется по годам (Мальчевский, Пукинский 1983), а в Санкт-Петербурге она встречается крайне редко. На территории города первое гнездование зарегистрировано в 1980 году в Шуваловском парке (Сергиевский 1984 – цит. по: Храбрый 1991).

Следует отметить, что устройство гнезда в нише корневой подошвы ветровала можно считать характерным этого вида, поскольку все найденные в Ленинградской области гнёзда зелёной пеночки были расположены в подобных местах: в стенках окопов, в склонах, в нишах старых пней и выворотов (Носков и др. 1981).

Parus cristatus. Одиночная хохлатая синица с 19 января по 15 февраля 2007 держалась на прикормочной площадке парка вместе с большими синицами *Parus major*, пухляками *P. montanus*, лазоревками *P. caeruleus*, болотными гаичками *P. palustris* и поползнями *Sitta europaea*. Таким образом, данный вид может быть встречен на территории парка не только во время осенних перемещений, о чём мы уже писали (Попов 2007), но и во время зимовки.

Pinicola enucleator. Стайка щуров из 3 взрослых самцов и 4 самок встречена 5 ноября 2009 в пойме Кузьминки. Птицы вначале кормились почками ели, рассевшись на тонких ветвях, а затем по очереди перелетели на разные деревья чёрной ольхи и стали поедать её почки. Следует отметить, что в Ленинградской области щуры ежегодно появляются обычно не раньше середины октября и отлетают в конце февраля – начале марта. В урожайные на ягоды рябины годы они держатся на широте Санкт-Петербурга всю зиму, а при неурожае ягод редки (Мальчевский, Пукинский 1983). В 2009 году урожай рябины в Ленинградской области не был обильным, а в парке её не было совсем. По-видимому, в связи с этим указанная встреча со щурами была за всю осень и первую половину зимы единственной.

Loxia curvirostra. Стая из 18-20 клестов-еловиков в ювенальном оперении встречена 20 июня 2008, в период послегнездовых перемещений. Птицы добывали семена из раскрытых шишек ели.

Emberiza citrinella. 17 апреля 2007 самец пел в кустарнике на краю луга в центральной части парка. Обыкновенные овсянки обычны

в кустарниковых зарослях на окраине поля, примыкающего к периферии парка, но непосредственно в парке ещё не отмечались.

Таким образом, доказано гнездование а парке нескольких видов, зарегистрированных на его территории в предыдущие годы, а именно: перевозчика, вертишейки, белоспинного дятла, зелёной пересмешки, черноголовой славки, зелёной пеночки. Впервые встречена на территории парка обыкновенная овсянка. Зарегистрированы в период сезонных перемещений: травник, большой кроншнеп, вальдшнеп, клёст-еловик и щур. Хохлатой синице наблюдения позволяют придать статус зимующего в отдельные годы в парке вида.

Литература

- Носков Г.А., Зимин В.Б., Резвый С.П., Рымкевич Т.А., Лапшин Н.В., Головань В.И. 1981. Птицы Ладожского орнитологического стационара и его окрестностей // *Экология птиц Приладожья*. Л.: 3-86.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-480, 2: 1-504.
- Попов И.Н. 2007. Птицы Баболовского парка // *Рус. орнитол. журн.* 16 (339): 3-27.
- Храбрый В.М. 1991. *Птицы Санкт-Петербурга: Фауна, размещение, охрана*. СПб.: 1-276.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 546: 156-158

Материалы по гнездованию большого крохалия *Mergus merganser* на озёрах бассейна Западной Двины (в пределах Белоруссии)

В.П. Бирюков

*Второе издание. Первая публикация в 2000**

В период с 1980 по 2000 год в бассейне Западной Двины в пределах Белоруссии обследовано около 150 озёр различного типа. Учётами охвачены все естественные озёрные группы, а также 24.6% озёр с площадью зеркала 1-20 км² и все более крупные водоёмы. На 82 озёрах учёты выполнены с подготовкой видовых списков и схем распределения птиц на гнездовании, для крупных и эталонных (для каждого генетического типа водоёмов) прослежена динамика населения

* Бирюков В.П. 2000. Материалы по гнездованию большого крохалия на озёрах бассейна реки Западная Двина (в пределах Беларуси) // *Фауна и экология птиц бассейна реки Западная Двина*. Витебск: 3-5.

птиц в течение ряда лет. Это позволяет составить достаточно репрезентативную картину статуса, распределения и гнездовой биологии лимнадофильных видов птиц региона.

Предварительно отметим, что собранная нами информация по большому крохалю *Mergus merganser* в целом находится в соответствии с принципиальными позициями опубликованного обзора по его гнездованию в Белоруссии (Гричик, Парейко, Яминский 1998), но в некотором контрасте с ранее бытовавшими представлениями.

Наши данные позволяют отнести большого крохалья к категории немногочисленных, спорадически гнездящихся видов с избирательным заселением мезотрофных и близких к ним по определяющим параметрам озёр с полностью или в значительной степени облесенными берегами и островами. Это своеобразный биоиндикатор водоёмов данной группы. Гнездование большого крохалья достоверно установлено (найжены гнёзда, отмечены только что оставившие гнёзда выводки) на 2 мезотрофных с признаками олиготрофии (Северный и Южный Волос), 3 мезотрофных (Снуды, Струсто, Белое) и 3 слабоэвтрофных (Ножницы, Глыба, Недрово) озёрах. В качестве одного из существенных факторов, группирующих данные озёра относительно обитания крохалья, можно отметить высокую прозрачность воды (3 м и более).

Судя по нашим данным, в условиях Северной Белоруссии большой крохаль приступает к откладке яиц со второй декады апреля. Наиболее ранний выводок отмечен 24 мая 1998 – учтена самка с 5 крохотными птенцами, сидевшими плотной кучкой на плавающем обломке доски. Кладки с наклюнутыми яйцами обнаружены 25 мая 2000 (озеро Снуды) и 29 мая 1997 (озеро Северный Волос). В то же время, регистрация на этих озёрах 16 июня 1998 птенцов 2-3-дневного возраста и 28 июня 1984 недельных птенцов свидетельствует о растянутости гнездового периода, возможно, за счёт повторного гнездования самок, утративших первые кладки. Категорию более поздно гнездящихся особей могут составлять и впервые размножающиеся самки, как это показано для популяций других утиных (Михельсон и др. 1986). На озёрах группы «Синьша», судя по срокам регистрации выводков и возрасту птенцов, откладка яиц происходила в первой декаде мая.

Обнаруженные завершённые, насиженные кладки содержали 7, 8 и 9 яиц. Размеры яиц, мм: 64.6-71.2×45.7-48.1, в среднем 68.61×46.38 ($n = 32$). Количество птенцов в учтённых выводках маленьких птенцов варьировало от 4 до 11 и в среднем составило 6.8 (данные по 21 выводку). Отметим встречу крупного, очевидно из совместной кладки, выводка из 16 птенцов.

В настоящее время наиболее многочисленные очаги размножения большого крохалья приурочены к Браславской группе озёр (15-20 пар) и к озёрам группы «Синьша» (5-10 пар). Общая численность гнездя-

щихся в регионе птиц, вероятнее всего, находится в пределах 50-70 пар. При этом обнаруживается тенденция роста численности, в частности, на озёрах Браславской группы. Так, с 1984 по 2000 год на учётных маршрутах она возросла в 2-3 раза, очевидно, благодаря проведению специальных охранных (создание орнитологического заказника) и биотехнических (установка искусственных гнездовых) мероприятий.

В связи с этим отметим прежде всего уникальный случай многократного гнездования большого крохалея в искусственном гнездовье, установленном в марте 1991 года на берегу острова Турмос на озере Снуды. Кладка крохалея отмечена в нём уже в 1991 году (Гричик, Парейко, Яминский 1998), а также в 1994, 1996, 1999 и 2000, и только в 1997 году гнездовье не было заселено (в другие годы оно не обследовалось). Показательны также случаи обнаружения гнёзд крохалея на чердаке дома (деревня Струсто) и на кормовом сиденье перевернутой и наполовину затопленной старой лодки (озеро Северный Волос).

Об открытом характере гнездования крохалея на данных озёрах (и дефиците гнездовых) косвенно свидетельствуют факты неоднократного обнаружения нами расклёванных серой вороной *Corvus cornix* его яиц. Поэтому в увеличении количества искусственных гнездовых видится один из наиболее вероятных путей поддержания оптимальных условий для размножения этой птицы.

В заключение отметим, что в одном препарированном нами желудке большого крохалея обнаружено 2 окуня (11 и 12.5 см), в другом – 2 ерша (7 и 7.5 см), плотва (9 см) и щука (16 см).

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2010, Том 19, Экспресс-выпуск 546: 158-159

Гнездование дербника *Falco columbarius* в восточной Литве

Б. Шаблявичюс

Второе издание. Первая публикация в 1988*

Впервые гнездование дербника *Falco columbarius* в Литве зарегистрировано в 1954 году в Молетском районе. Затем сведения о гнездовании этого вида отсутствовали 27 лет. В 1981 году в Игналинском районе обнаружено гнездо с 4 слётками. Дербники поселились в агро-

* Шаблявичюс Б. 1988. Гнездование дербника *Falco columbarius* в восточной Литве // Тез. докл. 12-й Прибалт. орнитол. конф. Вильнюс: 243-244.

ландшафте и заняли гнездо серой вороны *Corvus cornix* в сосновой роще у обрабатываемого поля. С другой стороны этой рощи находилось озеро площадью 391 га и село. Мимо гнезда проходила дорога. В этом месте (не далее 1 км от прежнего гнезда) дербники гнездились и в 1982, 1983 и 1987 годах. Надо полагать, что в промежуточные годы либо гнездились в более отдалённых местах, либо не возвращались на прежнее место. В 1982 году вторая пара дербников успешно вывела птенцов, заняв гнездо вóрона *Corvus corax* в соседнем, Молетском районе. Птицы гнездились в сосновой роще посреди посевных пастбищ у небольшого озера.

На гнездовьях дербники появляются в середине марта и держатся парами у гнёзд врановых птиц, оглашая криками место своего пребывания. Кладки заканчиваются в первых числах мая, к концу июня птенцы покидают гнёзда. Неспособные летать слётки держатся около гнезда. К середине июля молодые дербники уже хорошо летают, но находятся на полном обеспечении взрослых. К началу августа семьи дербников начинают распадаться и птицы постепенно покидают окрестности гнёзд.

В рощах, где расположены гнёзда, найдены остатки трапезы дербников: полевого жаворонка *Alauda arvensis*, лесного конька *Anthus trivialis*, зяблика *Fringilla coelebs*, мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca*, какой-то славки *Sylvia*. Наблюдался молодой дербник, терзавший стрижа *Apus apus*. Под присадами (колышками) в поле молодые дербники оставляли погадки, состоящие из остатков насекомых.

Основные враги дербников – серые вороны. В 1982 году они вынудили пару соколов переселиться в другое место, а в 1987 – уничтожили кладку.

Итак, в Литве известно всего 6 случаев гнездования дербника. Этот сокол гнездится здесь нерегулярно, так как территория республики расположена на краю его ареала. Предполагаем, что это не единственные гнездящиеся пары в Литве. Более полные данные о количестве дербников отсутствуют из-за недостаточно интенсивных поисков в период гнездования. Предлагается включить дербника в Красную книгу Литвы.

